

**Дистанционное участие в судебном разбирательстве в свете
фундаментальных уголовно-процессуальных ценностей**

Научный руководитель – Васильев Олег Леонидович

Багаудинов Мурадин Багаудинович

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора, Москва, Россия

E-mail: muradin.bagaudinov@mail.ru

Изменения, внесенный в российский Уголовно-процессуальный кодекс (далее — УПК РФ) в декабре 2022 года можно назвать в определенной степени революционными с точки зрения использования видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве. Так, до указанных поправок, применение видео-конференц-связи в судебном заседании, как правило, касалось потерпевших и свидетелей, и то речь шла только о «дистанционном» допросе, но никак не о полноценном участии. В случае с подсудимыми участие в судебном разбирательстве с использованием системы видео-конференц-связи предполагалось лишь по небольшому количеству дел и только в исключительных случаях, связанных с необходимостью обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Теперь положения частей 1 и 5 статьи 241.1 УПК РФ разрешают «дистанционное» участие в судебном разбирательстве для всех участников судопроизводства и практически по всем делам.

Указанная реформа в уголовно-процессуальной литературе незамедлительно стала поводом множества публикаций, посвященных проблемам ее реализации, однако большинство работ концентрируются в основном на технических проблемах, лишь вскользь затрагивая ее концептуальные проблемы или не говоря о них вовсе. В связи с этим специального анализа требует вопрос о соответствии новелл, навеянных, в первую очередь, технологическими причинами и преследующих цели процессуальной экономии, фундаментальным принципам уголовного процесса и судебного разбирательства.

Принцип непосредственности. Первым принципом, который подпадает под удар новелл зимы 2022 года является принцип непосредственности. Важность указанного принципа трудно переоценить для континентального уголовного судопроизводства. Достаточно сказать, что условие непосредственности судебного разбирательства является предпосылкой действия условия устности, гласности, состязательности и равноправия сторон в судебном разбирательстве [3, 901].

Известно, что одним из проявлений непосредственности является обязанность судьи лично воспринимать доказательства по делу. Очевидно, что «дистанционное» восприятие информации ограничивает начало непосредственности при исследовании доказательств. Судья, хоть и не теряет возможность задавать вопросы, не может полноценно оценить реакцию допрашиваемого, его мимику, жесты и т.д. В данном контексте уместно процитировать мысль, прозвучавшую несколько лет назад на конференции председателей апелляционных судов Евросоюза: «Общение с помощью ВКС не является простой копией личного физического общения... Социология образов учит нас, что ВКС не есть механизм, который лишь увеличивает человеческие возможности, как это делает, например, пара очков, поскольку дистанция может менять как само поведение человека, так и интерпретацию такового» [1, 54].

Соразмерно ли такое ограничение фундаментального для судебного разбирательства принципа? В пояснительной записке к законопроекту указывалось, что новеллы декабря

2022 года позволят обеспечить рассмотрение уголовных дел судами различных инстанций с соблюдением принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Ранее же, напомним, использование ВКС в ходе судебного разбирательства допускалось в *исключительных* случаях, касающихся безопасности участников. Как видим, законодатель пытается достичь две принципиально разные цели одними и теми же средствами. И если, когда речь идет о безопасности участников судопроизводства, использование ВКС может выглядеть соразмерным ограничением начала непосредственности, которое позволит соблюсти баланс различных интересов, то нынешняя ситуация вряд ли позволяет об этом говорить.

Принцип состязательности. Согласно действующей редакции УПК РФ вполне оказывается возможным процесс, в котором обвиняемый и защитник будут находиться не в месте нахождения суда, что создает непосредственную угрозу состязательности. Любой, кто в «постпандемийный» период участвовал в каких-либо мероприятиях в «смешанном формате» понимает, что «очное» присутствие кого-либо при дистанционном подключении всех остальных с психологической точки зрения воспринимается как привилегия. В такой ситуации сторона обвинения при формальном равенстве фактически оказывается в привилегированном положении, что недопустимо с точки зрения состязательности. Если предположить, что защитник будет находиться в месте нахождения суда, то тогда возникают проблемы с обеспечением возможности общения защитника и обвиняемого.

Право на защиту. Реализация указанного фундаментального права, в первую очередь, предполагает возможность защищать себя всеми не запрещенными законом способами. И важнейшая гарантия этого – возможность лично присутствовать в судебном разбирательстве. В частности, комментируя положения ордонанса Правительства Франции от 25 марта 2020 года № 2020-303, позволившего прибегать судам при рассмотрении уголовных дел к средствам «аудиовизуальной коммуникации» без согласия сторон, Конституционный совет Франции отметил, что «принимая во внимание важность гарантии, которую представляет собой физическая явка заинтересованного лица перед уголовным судом», положения правительственного ордонанса, позволяющие заменять ее средствами телекоммуникации «посягают на право на защиту, что не может быть оправдано особым санитарным контекстом эпидемии covid-19» [1, 53]. Указанная позиция даже заставила уголовно-процессуальную доктрину говорить о праве обвиняемого на *физическое* участие в судебном разбирательстве [2], что дополнительно подчеркивает значение данной гарантии.

Вместе с тем, в соответствии с частью 1 статьи 241.1 УПК РФ суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе принимает решение об участии в судебном заседании подсудимого путем использования систем видео-конференц-связи также в случае, если имеются обстоятельства, исключаяющие возможность его участия в судебном заседании непосредственно. В данном случае мы сталкиваемся с тем, что суд может принять решение об участии подсудимого в заседании с использованием видео-конференц-связи вопреки его желанию, что, безусловно, нарушает право обвиняемого на защиту.

Помимо этого, дополнительным ограничением для обвиняемого выступают положения части 8 статьи 241.1 УПК РФ, предусматривающие, что при дистанционном участии обвиняемого, находящегося под стражей, рядом с ним находится вовсе не судья, а сотрудник администрации места содержания под стражей. Где гарантия того, что в условиях отсутствия доступа к судье администрация места содержания под стражей не угрожает обвиняемому и не оказывает на него давление?

Положения той же части 8 данной статьи приводят еще к одной проблеме, на этот раз связанной со свидетелями. Позволяя суду не присутствовать в месте допроса свидетеля, участвующего в заседании «дистанционно», законодатель оставляет без ответов ряд ключевых

чевых вопросов. Так, допрашиваемое лицо может пользоваться при допросе какими-то записками, которые суд может потребовать ему предъявить. Как быть в ситуации, если «по ту сторону экрана» нет судьи? Показывать листочек с записями судье через камеру? Непонятно также, кто должен следить за порядком «по ту сторону экрана», например, в случаях, когда свидетелю дают какие-то подсказки. Представляется, что возложение этих функций не на судей также неприемлемо.

В целом, оценивая расширение возможностей для дистанционного участия в судебном разбирательстве, необходимо отметить, что проведенная реформа имеет большое количество противоречий и посягает на ряд принципов уголовного процесса, что приводит к многочисленным нарушениям прав обвиняемого и гарантий свершения правосудия.

Источники и литература

- 1) Головки Л.В. Изменение подходов к применению видеоконференцсвязи в уголовном процессе Франции: от санитарно-технологического к ценностно-процессуальному дискурсу // Законность, № 6. С. 52-54.
- 2) Головки Л.В. Право на физическое участие в судебном разбирательстве – новое фундаментальное право обвиняемого? // Государство и право (Армения), № 2 (96), с. 13-20.
- 3) Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. – 2-е изд., испр. - М.: Статут, 2017.